

«Жить на земле без любви невозможно».

**100-летию со дня рождения
российского композитора, участника Великой Отечественной войны
Леонида Викторовича Афанасьева
(20.08.1921 – 05.10.1995)
посвящается**

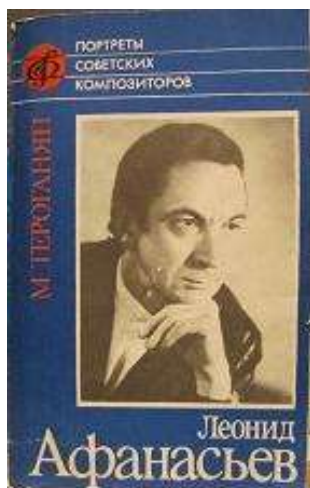
Из книги М.И. Тероганян «Леонид Афанасьев». 1988.

Биография

Леонид Викторович Афанасьев родился в старинном сибирском городе Томске 20 августа 1921 года.

Конкордия Евгеньевна, мать Леонида Афанасьева, была музыкантом-профессионалом. Окончив музыкальное училище в Томске, она в дальнейшем, в Семипалатинске, куда переехала вместе с сыном в 1930 году после скоропостижной и преждевременной смерти мужа Виктора Васильевича, работала в областном радиокомитете, где была и концертмейстером, и педагогом по роялю, и даже диктором. Одно время ей пришлось вести занятия и по вокалу.

Когда Афанасьев был мальчиком, матери очень хотелось, чтобы Лёня не просто занимался музыкой, но пошёл по её стопам, то есть сделал бы музыку своей профессией: она безошибочно угадывала его незаурядные способности. Наверное, серьёзное увлечение сына авиацией не могло не огорчать её долгое время, но позднее ей не раз приходилось убеждаться в том, что всё в жизни её единственного сына шло естественно и правильно, ибо авиация лишь необыкновенно обогатила его как художника-музыканта. Конкордии Евгеньевне было суждено стать свидетельницей больших творческих достижений сына и того, какое общественное признание получили эти достижения. Впрочем, и в то время когда было еще слишком далеко до вполне серьёзных успехов, но зато домашние музыкальные уроки сына ничего кроме огорчения Конкордии Евгеньевне не приносили, она тем не менее охотно принимала «профессиональные услуги» своего мальчика: он (и никто другой, ибо другим это не доверялось) безукоризненно переворачивал ноты на всех её публичных выступлениях!

Томск

Семипалатинск

Отец композитора, Виктор Васильевич, родом из семиреченского казачества, сперва окончил кадетское училище, а затем Томский политехнический институт. Не от него ли перешла к сыну любовь к авиации? Ведь молодость Виктора Васильевича совпала с зарождением в России воздухоплавания, и лишь неважное зрение помешало ему осуществить свою мечту – научиться летать, управлять воздушной машиной. Но старший Афанасьев, всегда чем-то увлечённый, мог передать своему сыну и другие, не менее «качественные» гены – музыкальные: он был очень привязан к музыке, недурно играл на рояле (по слуху, ибо никогда не учился) – и играл, по свидетельству близких, на удивление профессионально точно, не позволяя себе мелодических, ритмических и даже гармонических ошибок, Виктор Васильевич говорил порою, что у него «много музыки в голове». Кто знает, может быть, он сам мог стать композитором?

Семипалатинская школа №1
имени Н.Г. Чернышевского

Школа, школьные годы. С ними в жизни Леонида Викторовича Афанасьева связано очень много. В сущности, тот Афанасьев, которого все знают сегодня, – композитор, а в прошлом боевой лётчик, командир эскадрильи штурмовиков, участник Великой Отечественной войны, общительный и жизнерадостный, к тому же не просто внешне спортивного склада человек, но и человек, весьма недурно владеющий некоторыми видами спорта, – сформировался в старших классах образцовой школы № 1 имени Н. Г. Чернышевского города Семипалатинска (окончил в 1939 году). Школа, вспоминает Леонид Викторович, была поистине великолепной – учителями, товарищами, традициями. Директор школы И. Квасов, бывший партизаном на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны, преподаватель физкультуры В. Рябов и многие их коллеги, не ограничиваясь своими прямыми служебными обязанностями, поощряли ценные начинания своих питомцев, отдавая им все свои душевные силы. Кажется удивительным не только то, откуда бралось время на многочисленные увлечения ребят, но и сам круг их интересов, затрагивавших разные виды искусства и, конечно же, спорт. Участие во всех спортивных школьных соревнованиях неизменно приносило Лёне Афанасьеву и его друзьям призовые места. Превосходный пловец, летом Леонид дежурил на посту ОСВОДа на мощном Иртыше, готовый в любую минуту прийти на помощь утопающему. Какая прекрасная школа мужества и выносливости, так пригосившаяся в годы войны лётчику Афанасьеву!

В школе был свой самодеятельный оркестр русских народных инструментов, когда это оказалось необходимым, он превратился в «оперный»: ребята осуществили постановку «Русалки» Даргомыжского! В большую перемену шли своеобразные уроки танцев, для чего всегда назначался дежурный пианист. Роль эту выполнял и Леонид Афанасьев.

Итак, кроме спорта, казалось, было увлечение ещё и музыкой. Но, как это часто бывает, сын преподавательницы фортепиано весьма своеобразно использовал свои большие способности. Предпочитая довериться слуху (наверное, сказывалась наследственность: невольно соблазнял опыт отца!), он вовсе не обременял себя длительными упражнениями за инструментом. Порою доходило до курьеза. Например, Конкордия Евгеньевна предлагала сыну разучить какую-то новую пьесу. Зная, что слух его всегда «вывезет», Лёня пускался на хитрость. Она заключалась в том, что он просил мать тут же сыграть ему эту пьесу. Затем, во время очередного урока, он, увлечшись, забывал переворачивать страницы нот. А так как его игра, естественно, не была лишена тех или иных погрешностей, матери не составляло труда понять, что мальчик опять играет на слух и что её опять «обманули». Разоблачение наступало быстро, и Лёня получал ещё один выговор. Таким образом, музыкальное образование будущего композитора двигалось не слишком быстро, скорее, наоборот, так как едва ли не всё свободное от школы и школьных уроков время уходило, пожалуй, на самое серьёзное увлечение – авиацию.

Свердловское музыкальное училище имени П.И. Чайковского

И всё-таки был в жизни Афанасьева эпизод, который не только неожиданно нарушил течение его вполне налаженной жизни школьника, перешедшего к тому времени в выпускной класс, но и каким-то образом свидетельствовал о том, что музыка была ему далеко не безразлична. Окончив девятый класс, он вдруг заявил матери: еду в Свердловск поступать в музыкальный техникум! Естественно, мать была не в малой степени озадачена, ибо прекрасно понимала, на что может, а точнее, не может рассчитывать её сын. В своих домашних экзерсисах он «добрался» даже до ряда пьес Шопена и прелюдий Рахманинова, требующих по крайней мере хорошей технической оснащённости. Но от его игры на рояле веяло откровенным любительством. В сущности, благословения Конкордии Евгеньевны Леонид не получил и уехал в Свердловск, как говорится, на свой риск и страх. Что и следовало ожидать, главного экзамена – по специальности, то есть по роялю – он не выдержал. Но его отметили и даже приветили, обещая подготовить к дополнительным экзаменам. Кроме того, он успел наладить контакты с оркестрантами, желая продолжить занятия и по линии эстрадной музыки. Казалось бы, и жизнь – жизнь именно музыкальная – могла наладиться в Свердловске так, как этого желал сам Афанасьев.

Семипалатинск

Самолёт ПО-2

Но тут из Семипалатинска стали приходиться письма друзей, поступивших по-своему находчиво и мудро: они словно бы и не звали его обратно, но зато с удовольствием расписывали заманчиво прекрасные планы аэроклуба на ближайшее будущее. И сердце Леонида Афанасьева, мятущееся между музыкой и авиацией, не выдержало: «беглый» семипалатинец вернулся домой, а заодно и в прежнюю школу и, наконец, к ставшей для него поистине родной авиации, которая, как это ясно теперь, одержала в ту далёкую пору победу над всеми его другими привязанностями.

Сначала всё было неосознанным – просто тянуло к технике, к мотоциклам и автомобилям. Хотелось разобраться в механизмах, двигателях машин. Потом в душе подростка, в его сознании более явственно «прозвучала» тема авиации, тема неба. Настолько явственно, что в доме Афанасьевых стали появляться – разумеется, пока ещё из таких материалов, как фанера и папиросная бумага – модели планеров и самолётов. И восьмиклассник Лёня Афанасьев поступает в специальную планерную школу. Её вскоре преобразовали в аэроклуб, куда был зачислен и он.

Распорядок для Леонида, без преувеличения, можно назвать каторжным. Его уроки школьника проходили во вторую смену, то есть с двух часов дня, занятия же в аэроклубе порою требовали быть там в три ночи, затем к пяти утра следовало перебраться через Иртыш на аэродром, чтобы участвовать в тренировочных полётах до одиннадцати дня на легендарных (вспомним войну!) ПО-2. На дорогу домой—минимум час. Попав же домой и едва сняв комбинезон, Лёня моментально засыпал, и матери приходилось прибегать с работы (благо их квартира находилась близко от радиокомитета), чтобы вовремя разбудить сына, иначе он непременно опоздал бы в школу к началу уроков. В это же время у него появляется другое сильное увлечение – мотоспорт, для чего Леонид поступает в мотоотряд. И занятия в мотоотряде доводили его до «дерзких» поступков: когда они совпадали по времени со школьными, Леонид удирал в клуб по водосточной трубе, ибо нормальные пути выхода из школы были для него закрыты. И всё же самым главным в жизни юноши оставалась авиация. Она и положила начало той особой странице в биографии композитора, которая длилась приблизительно с 1937 по 1946 год включительно и которую, позволив себе некоторую торжественность слога, следовало бы назвать «авиационной».

Чкаловское (Оренбургское)
военно-авиационное училище

После окончания школы в 1939 году, а заодно и семипалатинского аэроклуба Афанасьев сразу, без каких-либо колебаний сделал выбор дальнейшего пути: авиация, лётное дело. Именно потому, что это соответствовало его стремлению, он и получил, пройдя жёсткий отбор, направление в Первое Чкаловское, ныне Оренбургское высшее военно-авиационное училище имени И. Полбина. Здесь требовались, кроме специальной технической подготовки, отменное здоровье и крепкая физическая выносливость, однако тем и другим природа наградила Афанасьева не скупясь. И всё, что требовалось усвоить молодому курсанту такого училища в теории и на практике, он усвоил. Надо полагать, что курс боевых наук он прошёл настолько хорошо, что, сдав государственные экзамены, был оставлен в училище в качестве инструктора. А свидетельство об окончании лётного училища Леонид Афанасьев получил—такое уж совпадение! – 21 июня 1941 года, то есть в день, открывший собою историческую летопись Великой Отечественной войны. Занимаясь с курсантами, готовя их к боевым операциям, Афанасьев не оставлял мысли о фронте, твёрдо уверенный, что его подлинное место во время войны – в действующей армии. Но на фронт он попал лишь в 1943 году. Тогда его родным домом стал 948-й штурмовой авиационный полк 308-й дивизии Третьего штурмового авиационного корпуса Ставки Верховного Главнокомандования. Родным этот полк и остался для Афанасьева до Дня Победы, таким он вспоминается композитору и много лет спустя, после окончания войны.

Ю. Гагарин – курсант Чкаловского военно-авиационного училища

Трудно объяснить, почему в нашей художественной и публицистической литературе иные, подлинно героические военные биографии предстают как самые обыкновенные, ничем не примечательные. Не потому ли, что человек, совершающий подвиг, менее всего думает об этом? Действительно, сам Леонид Афанасьев был бы очень удивлен (да и почувствовал себя крайне неловко), если бы услышал, что его именуют героем. А ведь то, что совершил он – во всяком случае, во второй части своей военной биографии – иначе как героизмом не назовёшь. «Вторая часть биографии» – это то, что относится к возвращению Леонида Викторовича в строй после ранения. Ему очень помогли боевые товарищи, соорудившие из ремней специальное приспособление для больной ноги лётчика. В сущности, и до и после тяжёлой контузии капитан Афанасьев занимался одной и той же «работой»: поднимал в воздух и вёл к цели нагруженные бомбами штурмовики. Но в случае «до» штурвал боевого воздушного корабля находился в руках здорового человека, а в случае «после» – в руках инвалида, буквально вернувшегося с того света, словом, человека, приговорённого врачами не к одному году мучительного выздоровления, ибо у него было тяжелейшее ранение позвоночника.

Леонид Афанасьев

В ночь с 4-го на 5 июля 1944 года вражеская авиация совершила внезапный налёт на одну из деревень близ Минска, где временно дислоцировалось подразделение командира эскадрильи штурмовиков капитана Афанасьева. Падающие со зловещим воем бомбы, горящие избы, освещающие всё вокруг как днём, обезумевшие от ужаса женщины, старики и дети, – казалось, наступил кромешный ад. В доли секунды Афанасьев принимает решение: любой ценой постараться спасти самолёты. Он стремглав бежит к ним, но вдруг видит мечущуюся в страхе девочку, которая не в состоянии сообразить, где можно укрыться от смертельных разрывов. Крики лётчика до неё не долетали, а когда он попытался добежать до девочки и уберечь её от гибели, осколки ещё одной бомбы, разорвавшейся невдалеке, тяжело ранили его самого. Леонида нашли рано утром – без сознания, парализованного.

Последующие события могли бы составить сюжет приключенческого фильма. Госпитали, долгое возвращение способности ходить, двигаться. Так уже случилось, но пробуждающийся к жизни Афанасьев оказался без каких-либо документов и так и значился в ряде госпиталей «под номером», пока к нему не вернулась речь. Врачи считали, что окончательное излечение наступит не ранее чем через два года, а он, немного окрепнув, добился выписки менее чем через полгода! Афанасьев мог ехать домой (да и что другое оставалось ему в его положении?), но, покинув свой последний госпиталь, с больной ногой, «вооружённый» костылями, он отправился на поиски собственной части. Не сразу, но всё-таки нашел её – в деревне Колпин под городом Броды Львовской области. И здесь, принятый всеми с радостью и огромной теплотой (ведь его считали погибшим!), Афанасьев начал тайные, для командования, тренировки – тренировки до изнеможения. Им владела одна мечта: вновь повести в бой свой самолёт. И он добился этой цели: вернулся в строй! Общее число его боевых вылетов приближается к 90. Из них 40 (всего!) Афанасьев совершил после ранения. О том, ценой какого самообладания и выдержки дались ему эти самые 40 вылетов, можно только догадываться, ибо, став студентом консерватории, бывший лётчик вновь и вновь оказывался на больничной койке. Композитору пришлось пройти через пять операций – в последний раз в Москве; в Институте нейрохирургии имени Н.Н. Бурденко АМН СССР, где он пролежал без малого год.

И только после Великой Отечественной войны Афанасьев – теперь уже безоговорочно – подчинился «приговору» врачей: с авиацией должно быть покончено навсегда. Со Дня Победы пройдёт почти тридцать лет, Леонид Афанасьев напишет на слова поэта С. Гребенникова одну из лучших своих песен – «Ты к небу не ревнуй меня». Там есть строки, которые композитор, отбросив ложную скромность, мог бы приписать себе:

Как птица,
Я пленник высоты и скоростей.
И если б трижды мне пришлось родиться,
Дорога в небо трижды стала бы моей!

Ещё немного о военном прошлом Афанасьева, о его любимой Первой эскадрилье. Тут собрались люди по-своему очень преданные музыке. Выпадала свободная минута, – и в чьих-то руках тут же оказывался баян, под который охотно, от души, пели и плясали.

Афанасьев вспоминает голосистых девчат, да и иные из парней не были лишены певческого таланта.

В этом авиационном полку даже была распространена такая шутка: тому, кто разыскивает Первую эскадрилью, следует идти в направлении, откуда слышится песня. И тогда, когда это позволяла обстановка, комэск Афанасьев становился композитором и брал на себя ещё одно руководство – музыкальной самодеятельностью своих фронтовых друзей.

О Первой эскадрилье Леонид Афанасьев позднее написал песню. Она так и называется—«Первая эскадрилья»:

Нас было двенадцать верных друзей –
Надёжные руки и крылья,
Нас было двенадцать весёлых парней –
Первая эскадрилья.

Любопытно, что эту песню следует считать автобиографической не только для композитора, но и для автора приведённых стихов, ибо Александр Комаровский был стрелком этой эскадрильи.

Л. Афанасьев

Наверное, у подавляющего большинства композиторов есть некое подобие домашнего архива, где лежат ранние сочинения, те безыскусственные и порою наивные опусы, с которых всё и начиналось. Вот такого архива у Леонида Афанасьева как раз и нет, ибо то, что уцелело единственно благодаря заботам Конкордии Евгеньевны, архивом не назовёшь: всего лишь небольшая папка, в которой собраны разрозненные листы нотной бумаги и две-три нотные тетради небольшого формата с записанными (чаще даже карандашом) песнями, романсами или инструментальными пьесами.

Действительно, сам композитор всегда был равнодушен к подобным вещам, то есть не собирал заботливо и тщательно когда-то (в школьные годы, позднее на фронте) сочинённую музыку, а папку эту Афанасьев обнаружил только после смерти матери, в 1979 году.

Мы вспомнили о папке с пожелтевшими и частью потрёпанными листами нотных тетрадей потому, что как бы ни было случайно или даже хаотично это собрание (в нём – и следы сочинительства, и следы учения: записи диктантов по сольфеджио, задачи по гармонии), но оно может ответить на очень важный вопрос о том, почему в Алма-Атинскую консерваторию в 1946 году в качестве студента (а вовсе не вольнослушателя) приняли человека, не имеющего специального среднего образования, без которого, как известно, в музыкальный вуз не зачисляют. Ранние опусы Афанасьева, собранные в упоминаемой тетради, свидетельствуют о том, что в 1946 году, то есть в год поступления в консерваторию, он был плохо знаком с музыкальной грамотой и допускал много разных ошибок. У него были погрешности и иного рода, например, недостаточная разборчивость в выборе поэтических текстов. Так, в одном из романсов того времени встречаются следующие вирши: «Луна выходит из-за туч, вокруг себя кидает луч». И это после его же обращения к стихам С. Щипачёва и К. Симонова!..

Однако, если ошибок было и предостаточно, они явно перевешивались тем значительным и важным, что определяет истинный музыкальный талант человека. В столь несовершенных пьесах, песнях и романсах прежде всего обращает на себя внимание несомненный мелодический дар Леонида Афанасьева и, что не менее ценно, его умение правильно «распорядиться» сочинённой мелодией – будь то в вокальном или инструментальном произведении.

Алма-Атинская консерватория

Профессор Е.Г. Брусиловский

Итак, послевоенная судьба привела Леонида Викторовича Афанасьева в Алма-Ату. Здесь оказались друзья школьных лет и бывшие ученики матери. Отчасти их стараниями, а также профессиональным напутствиям заведующего научно-учебной частью консерватории В. Коллара и композитора-педагога Л. Хамиди обязан Леонид Афанасьев своим поступлением в Алма-Атинскую консерваторию. Не скроем, что он был принят как бы условно, ибо его зачислили на несуществующее подготовительное отделение. Но верно и то, что нарушение делалось ради бесспорно очень музыкально одарённого человека, к тому же участника и инвалида Великой Отечественной войны, имевшего не одну боевую награду.

Полный консерваторский курс музыканта любой специальности не назовешь простым и лёгким, даже если поступивший в этот вуз предварительно и прошёл хорошую музыкальную школу. Что уж говорить о Леониде Афанасьеве, у которого при избытке способностей ощущался явный недостаток специальных знаний и у которого, кроме того, были явные нелады со здоровьем. И всё-таки он проявил завидную волю, упорство и кончил консерваторию в числе лучших.

Афанасьев был принят на теоретический факультет, где и начал постигать азы композиторского ремесла с Л. Хамиди. Затем перешёл в класс композиции Е. Брусиловского. Позднее, уже в стенах Московской консерватории, Афанасьев будет заниматься с такими крупными композиторами, как А. Хачатурян, Ю. Шапорин, В. Шебалин, и всё-таки влияние на него личности Е. Брусиловского – человеческой и педагогической – нельзя ни с чем сравнить. Е. Брусиловский оказался для будущего композитора идеальным наставником. Он был безмерно терпеливым и по-отечески умел прощать многое, но он же всё время поддерживал в своём подопечном веру в то, что музыкальное творчество – его подлинное жизненное призвание.

В целом консерваторская жизнь Леонида Афанасьева – если не считать длительных пауз в связи с периодическим обострением фронтальной контузии,—текла нормально: выполнялась учебная программа, что-то писалось и «для души». Первоначально более всего привлекала область симфонической музыки, затем была отдана дань эстраде и даже джазу, хотя примерно сорок лет назад подобное увлечение в стенах высшего музыкального учебного заведения если и не считалось крамольным, то уж во всяком случае не поощрялось. Песни? Отдельные, относительно удачные вокальные миниатюры, предназначенные для исполнения на эстраде, ещё не предвещали того, что жанр этот займет в будущей жизни композитора столь заметное место: в годы обучения он был больше склонен писать романсы.

Первый раз Леонид Афанасьев услышал свои сочинения в профессиональном исполнении вскоре же после завершения второго курса консерватории. Летом 1948 года Союз композиторов Казахстана, Алма-Атинская городская филармония и Казахское отделение Музфонда СССР организовали отчётный концерт студентов класса Е. Брусилковского. Из произведений Афанасьева тогда прозвучали несколько романсов (в частности, «Невеста» на стихи А. Твардовского) и Восемь вариаций для фортепиано ре-бемоль мажор. Кстати, эти вариации свидетельствовали об огромном росте Афанасьева, если вспомнить его же фортепианные пьесы, написанные всего лишь за два года до консерватории. Из фортепианных сочинений студенческих лет назовём и Фортепианную сонату, посвящённую городу-герою Ленинграду. Это одночастное произведение написано в форме сонатного аллегро. У него нет литературной программы, но эмоциональный строй музыки вытекает из самого посвящения. Творчество пока ещё пребывающего на «школьной скамье» композитора находило положительную оценку в критике. Так, А. Кельберг пишет о Концертном вальсе для симфонического оркестра, что он «сочетает в себе изящество формы, профессиональное мастерство и тонкий вкус». З. Апетян, побывав, в Алма-Ате на смотре советской музыки в октябре 1950 года, отмечает, что успех смотра во многом определили молодые питомцы консерватории, и называет, в частности, Афанасьева. Далее она говорит о том «ярком впечатлении», которое произвёл на слушателей Струнный квартет студента Леонида Афанасьева.

Л. Афанасьев

Л. Афанасьев

И, наконец, Концерт для скрипки с оркестром. Присуждению Афанасьеву Государственной премии за это сочинение предшествовал ряд публикаций, отмечавших высокие художественные достоинства Концерта. Сошлёмся лишь на одну из них – статью Е. Брусиловского. Он пишет в ней, что Скрипичный концерт в качестве дипломной работы Афанасьева получил у экзаменационной комиссии оценку «отлично», что на смотре творчества композиторов Казахстана в октябре 1951 года это сочинение вызвало всеобщее одобрение, что тогда же, на смотре, его рекомендовали для исполнения на V пленуме Союза композиторов СССР в Москве (это ли не честь для музыканта, только что окончившего консерваторию?).

Первый концерт для скрипки с оркестром Леонида Викторовича Афанасьева занимает в его жизни и творчестве особое место. И тому есть, по крайней мере, две причины. Одна из них связана с тем, что в год окончания Афанасьевым консерватории – а Скрипичный концерт был выбран им в качестве дипломного сочинения – он вновь начал испытывать сомнения относительно профессии, которая должна была стать в будущем для него главной в жизни. Нечто аналогичное происходило перед поступлением в консерваторию, но тогда для подобных раздумий имелись все основания: с авиацией у Афанасьева было связано слишком много, она как бы стала его плотью и кровью; музыка же была всего лишь заманчивой мечтой, ей ещё предстояло сказать своё главное слово в судьбе молодого человека. Однако те сомнения были позади, решение было давно принято, а за несколько лет занятий в консерватории приобретён необходимый минимум профессиональных навыков. Сам процесс сочинительства уже не должен был, да и не мог сейчас отпугивать своей таинственностью – и всё же опять колебания? Это тем более удивительно, что наставник композитора, очень опытный педагог и житейски мудрый человек, Евгений Григорьевич Брусиловский, не стал бы «доводить» своего ученика до дипломного сочинения, если бы не был уверен в его таланте. Конечно же, Брусиловский не сомневался в том, что со временем Афанасьев вырастет в настоящего профессионала, способного решать сложные творческие задачи. Так в чём же дело?

Оно заключалось в том, что, как раз постигнув азы композиторской специальности, испробовав свои силы в сочинении музыки разных жанров и форм, к тому же числясь в рядах безусловно успевающих, хороших студентов, Леонид Афанасьев решил, что всё это больше похоже на то, что следовало бы назвать грамотным ремесленничеством, а не истинным творчеством, и – самое главное – что композитор в нём не состоялся. Можно теперь представить, как в этом случае трудно сочинялся Афанасьевым Скрипичный концерт. И всё же со сложной задачей он успешно справился. Завершив концерт, Афанасьев понял, почувствовал сердцем, всем своим существом, что композитор в нём все-таки состоялся! А теперь о второй причине. Едва расставшись с консерваторией, то есть только что вступив на самостоятельный творческий путь, Леонид Викторович Афанасьев стал лауреатом Государственной премии СССР, присуждённой ему за тот же Концерт для скрипки с оркестром. Это произошло в 1952 году. Такая награда ко многому обязывала бы и зрелого художника, что же говорить о молодом музыканте, практический опыт которого так или иначе был связан только с консерваторским учебным планом?!

Надо отдать должное Афанасьеву. Неожиданно нагрянувшая радость, ореол славы – вспомним, что в ту пору в среде советских композиторов было не так уж много лауреатов Государственной премии – не вскружили ему голову, он отнесся к полученной награде трезво, расценив её скорее всего как поощрение к дальнейшей творческой работе... Достаточно сказать, что вскоре после получения столь высокой премии Афанасьев решает продолжить занятия – на этот раз уже в стенах Московской консерватории.

Он непрестанно трудится, сочиняя в самых различных жанрах (исключение составляют опера и балет). Наверное, в длинном списке опусов Афанасьева можно было бы назвать не одно, а несколько сочинений, которые дороги ему по разным причинам. И всё же к Первому концерту для скрипки с оркестром композитор должен – и с этим нельзя не согласиться – испытывать особую сердечность и теплоту.

Московская консерватория

А.И. Хачатурян

Последующая после окончания консерватории в Алма-Ате и аспирантуры в Московской консерватории жизнь Леонида Викторовича Афанасьева связана уже целиком с Москвой, она до предела насыщена творчеством и общественной работой. Видимо, исходя из огромного жизненного опыта, Афанасьев позволил себе в одном из интервью последних лет нечто подобное сентенции, сказав, что «композитор – должность общественная». В самом деле, ещё будучи аспирантом А. Хачатуряна, он становится членом Союза композиторов СССР и по рекомендации Т. Хренникова зачисляется в аппарат секретариата этой творческой организации. Здесь Афанасьев трудится семь лет. По роду своей работы он бывает в командировках – в разных точках страны, по разного рода организационно-творческим вопросам. Так, в 1953 году он встречается с композиторами Таджикистана и Узбекистана, в 1956 году в преддверии II Всесоюзного съезда советских композиторов едет в Махачкалу и принимает участие в смотре музыки дагестанских композиторов, а в 1958 году оказывается в Новосибирске в связи со Всесоюзным праздником молодёжи. Иные из этих командировок нашли отражение в статьях, в которых, когда этого требовали интересы дела, Леонид Афанасьев становился строгим и нелюбезным судьёй.

Действительно, композитор – должность общественная. Ибо если бы Леонид Афанасьев стал перечислять в какой-либо анкете все те общественные посты, на которые был избран после того как перестал работать в аппарате Союза композиторов, то получился бы весьма внушительный список. Назовём их, опустив хронологию и вопрос о том, какие из них он занимал раньше и какие занимает в настоящее время. Итак, Леонид Викторович Афанасьев избирался и назначался членом правления Союза композиторов РСФСР и СССР, членом правления кинематографистов СССР и председателем секции киномузыки того же творческого союза, членом правления и президиума Московской композиторской организации.

Перечень не совсем полный, ибо не названы хотя бы два таких «поста»: член редсовета издательства «Музыка» и член художественного совета Всесоюзного радио. Но даже и в этом виде масштаб общественной деятельности Афанасьева не может не вызвать удивления и, главное, уважения. Соответственно те три вышеназванные командировки, которые открывали «послужной список» композитора на его общественном поприще, выглядят, образно говоря, каплей в море. Кажется, он успел побывать на всех самых крупных стройках страны – например, в Тюмени, на Атоммаше, в Тольятти, на Байкало-Амурской магистрали. Он частый гость колхозников и советских воинов, его принимали у себя шахтёры Донбасса и Кузбасса. Авторские концерты Афанасьева состоялись в Москве и многих других городах страны, он участвовал в выездных пленумах творческих союзов, наконец, неоднократно бывал за рубежом, в частности, в Румынии (член жюри фестиваля лёгкой музыки в Брашове), на Кубе, в Болгарии, в Мексике.

Л. Афанасьев

Музыка к кинофильмам

Роман А. Иванова «Тени исчезают в полдень» уложился в телефильм из семи серий, куда, несмотря на неизбежные в таких случаях потери, вошло всё самое основное, ради чего это большое по охвату событий произведение было написано. Действие фильма начинается в предреволюционные годы и завершается уже после Великой Отечественной войны. История одной сибирской деревни, судьба батрачки Марьи Вороновой (в народе её нарекли Красной Марьей) и её преемника Захара Большакова, оказавшихся в авангарде борьбы за социальные преобразования в родной деревне Зелёный Дол, трудное становление колхоза «Рассвет», сражение сперва с врагом внутренним, а затем внешним, Победа и уже после неё преодоление новых экономических и нравственных проблем и задач – вот что в присущей ему форме рассказал телеэкран о романе «Тени исчезают в полдень». И в этом напряжённом повествовании своё очень точное место заняла музыка Афанасьева, ставшая неотъемлемой частью всего художественного целого фильма.

Сам фильм снимался несколько месяцев, но специфика кинематографа (по крайней мере относящаяся к области музыки) такова, что этих реальных нескольких месяцев у Афанасьева просто и быть не могло. Работа над музыкой фильма заняла у него всего полтора месяца, никак не более. Суть же этого экскурса в историю заключается в том, что композитор обладает завидной способностью погрузиться в творчество, позабыв обо всём на свете. Пожалуй только этим объясняется тот факт, что крайне сжатые сроки сочинения музыки не повлияли на её художественную сторону, а может быть, даже оказали по-своему благотворное действие. ... музыка к фильму «Тени исчезают в полдень» получилась яркой, сильной и драматургически убедительной.

Не желая быть несправедливой ко многим другим коллегам композитора по профессии, с кем певице приходится постоянно встречаться в своей творческой практике, Е. Шаврина всё-таки отмечала – в качестве особых черт, присущих Леониду Афанасьеву, – доброту и такт, умение понимать исполнителя и считаться с его пожеланиями. Выступая однажды вместе с ним в городке космонавтов Звёздном, она невольно обратила внимание на тот удивительный человеческий контакт, который установился между композитором и его слушателями. Афанасьев был очень непосредственным, искренним, и это находило живейший отклик в аудитории. Стоит привести и пересказ И. Шаферана о записанной Е. Шавриной песне: её тотчас же подхватили и запели сотрудницы студии «Мосфильм», занимавшиеся монтажом звукового и видового рядов картины, после чего уже и сами режиссёры В. Краснопольский и В. Усков, которым положено быть «осмотрительными», приняли песню «Гляжу в озёра синие» безоговорочно, хотя она ещё не прозвучала с экрана и, так сказать, не прошла аттестации зрителя.

Кажется, до той поры, пока В. Краснопольский и В. Усков не принялись за телевизионную экранизацию романа А. Иванова «Вечный зов», подобного «киномарафона» – девятнадцать (!) серий – у нас в стране не предпринимали ни для кино, ни для телевидения. Крушение Российской империи и образование на её месте первого в мире социалистического государства, коллективизация и индустриализация страны, Великая Отечественная война и на фоне этих масштабных событий – история трудных, подчас трагических судеб многих людей, история, растянувшаяся на несколько десятилетий, – всё это предопределило и некий творческий марафон композитора Афанасьева, «годами сработавшегося» с тем коллективом мастеров, который в течение ряда лет создавал этот необыкновенно длинный сериал.

...музыка «Вечного зова», написанная Л. Афанасьевым, не могла не повлиять на такие поистине великолепные актёрские работы, как Панкрат Назаров – И. Лапиков, Анна – А. Роговцева, Анфиса – Т. Сёмина, Поликарп Кружилин – П. Вельяминов, Фёдор и Иван Савельевы – В. Спиридонов и Н. Иванов, Кирьян Инютин – А. Мартынов, Максим – В. Базин и ряд других. ... впечатляющие и запоминающиеся сцены: почти безмолвную сцену Анны и Фёдора, уходящего на войну, Анны и Ивана, Анфисы и безногого Кирьяна (она всё-таки разыскала его в привокзальной сутолоке станций и полустанков!), трагические сцены – Панкрата с сыном Максимом и уже одного Панкрата на могиле лишившего себя жизни Максима. А ведь в этом фильме их значительно больше. И потому остаётся только сказать, что музыка композитора так слилась в нашем сознании с персонажами картины, что стала выражением части их духовной сущности.

Роль темы «Вечный зов родной земли» тем более многозначительна в картине, что она воплощается в ней и целиком – и в виде песни. И в ряде симфонических эпизодов, построенных как на запеве, так и на припеве песни. Суровая, мужественная мелодия «Вечного зова» становится одной из музыкальных эмблем киноэпопеи, и вместе с тем, одной из характеристик её главных героев. Как своеобразная тема народа она естественна и в кадрах кинохроники, когда читаются сводки Совинформбюро, и в кадрах, отражающих народный энтузиазм (эвакуированный оборонный завод даёт свою первую продукцию: «Есть первый снаряд!»). Пожалуй, на долю темы «Вечный зов родной земли», темы, повторим, суровой и мужественной, приходится наибольшее количество резких гармонических созвучий в партитуре, здесь чаще всего используются ударные (например, набатные призывы литавр).

Музыкальное «хозяйство» фильма «Вечный зов» сложно и разнопланово. Быть может, именно эта многосерийная лента с особой убедительностью иллюстрирует ту истину, что Афанасьев обострённо чувствует искусство кино. В самом деле, девятнадцать серий, обилие в них несхожих, порою контрастных лейтмотивов и отдельных, частных, мелодий-тем – и при этом не только полная гармония внутри самого музыкального ряда, но и удивительная его слитность с грандиозной панорамой всего зрительского ряда картины!

Афанасьев – поистине прирождённый композитор кино, и это подтверждается всей его творческой практикой. Вспомним, что Т. Лиознова назвала Афанасьева своим единомышленником, в этой роли он оказывался едва ли не для всех других режиссёров, с кем ему довелось работать. В. Усков, нимало не смущаясь тем, что Афанасьевым написано более двухсот песен (и среди них «Гляжу в озёра синие», так украсившую их «общий» фильм «Тени исчезают в полдень»), готов даже утверждать, что композитор – «не песенник», а настоящий «прозаик в музыке». И это несколько не должно быть обидным для Афанасьева, поскольку твёрдая убежденность режиссёра основана на том, что в композиторе он и его коллега В. Краснопольский также всегда видели единомышленника, способного в общую полифоническую ткань фильма внести свой яркий голос музыканта.

Музыка Леонида Афанасьева способна определить эмоциональный строй фильма и подняться до подлинных высот художественного обобщения, как это было в целом ряде картин, в частности и в «Вечном зове». Приводимый ниже случай – ещё одно яркое тому подтверждение. Когда «соединяли» слово и музыку в одном из важных эпизодов фильма «Тени исчезают в полдень» (свидание Стешки и Захара Большакова, их трудный разговор о любви, «монолог» Захара, её бегство), весь текстовый материал, до того специально озвученный актёрами, «в итоге» был убран из кадра: осталась только музыка, сила которой оказалась действеннее слов!

70 с лишним фильмов... Подобная «астрономическая» цифра исключает мнение о том, что каждая из работ Афанасьева в кино – совершенство. Такого, как известно, в жизни не может быть ни у кого. И хотя есть у композитора киномузыка, не более чем «пришедшаяся к месту», во множестве своих картин он оказался вместе со сценаристом и всеми членами постановочной группы их полноправным соавтором. В сущности, кино, как и песня, прошло через всё творчество композитора. За срок более чем в четверть века, связавший его с кинематографом, Афанасьев изведал и большие радости, и неизбежные огорчения. И одна из правительственных наград Леонида Афанасьева – орден Трудового Красного Знамени, полученный им в 1971 году за плодотворный труд именно в советском кино, – по достоинству отметила преданность композитора этому виду искусства.

Л. Афанасьев

Песни

Статья Л. Афанасьева

Леонида Афанасьева по праву следует назвать рыцарем песни. И вовсе не потому, что он написал их в большом количестве, а среди созданных им песен есть просто превосходные. По существу, песня прошла через всё творчество композитора, и с этим «малым» музыкальным жанром он не порывал даже тогда, когда, казалось, целиком был занят сочинением крупной формы. В одном случае появление новой песни композитора являлось словно бы лирической потребностью души, в другом – желанием откликнуться на то или иное событие большого гражданского значения.

Но в композиторе Афанасьеве – не побоимся громких слов – никогда не умирал лётчик, и потому в нём всегда было желание сочинять песни, посвящённые небу, авиации, братьям и сёстрам по боевому оружию, песни, которые так или иначе воскрешают в нашей памяти историю Великой Отечественной войны, историю, живых свидетелей которой становится всё меньше и меньше.

Число написанных Леонидом Афанасьевым песен более двухсот, и эта внушительная цифра наводит на простую мысль, что их следовало бы распределить по жанрам, систематизировать. На первый взгляд сравнительно легко определяются песни о Родине и простые, «обыкновенные» лирические песни, песни труда и шуточные, песни военные – и вообще и посвящённые авиации и космосу – в частности. Но только на первый взгляд, ибо в творческой практике композитора существуют самые различные «жанровые сочетания».

Афанасьев уже в самом начале творческого пути и именно в песенных опусах подтвердил свой высокий профессионализм.

Две сотни песен или около того... За этой бесстрастной, хотя и внушительной статистикой скрывается большой музыкально-поэтический мир Леонида Афанасьева. Его можно было бы назвать и сложным, и пёстрым, и многогранным – столько вместил он образов и идей. Но у этих двух сотен песен есть нечто общее – искренность и теплота, они адресованы непосредственно слушателю.

В течение уже многих лет в разных городах страны проходят авторские концерты композитора, преимущественно посвящённые песням. Иной раз пропагандистом афанасьевских песен оказывается... сам автор, то есть, сидя за роялем, он превращается в вокалиста. Афанасьев вполне мог бы соревноваться с профессионалами или во всяком случае с теми из своих коллег по искусству, кто оказывается в этой роли. Иногда ему приходится отваживаться выступать и перед всесоюзной телеаудиторией, как было однажды в передаче «Победители», где он исполнил две песни «Незаменимые» и «Давай, дружище, помечтаем».

Лучшие сочинения композитора несут на себе отпечаток не только его таланта, но и доброго сердца. Ибо песня, по определению самого композитора, остаётся для него «самым верным другом».

Заключение

К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне в Центральном Доме актёра имени А.А. Яблочкиной проходили вечера из цикла «Люди из легенды». Один из таких вечеров с участием, как значилось в пригласительном билете, «композитора, заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Государственной премии СССР Л. Афанасьева» состоялся 21 февраля 1985 года. Надо полагать, что, выразив согласие выступить, композитор приблизительно представлял, кто и зачем окажется вместе с ним на вечере. Но когда увидел пригласительный билет, то буквально опешил...

...вторую часть военной биографии Леонида Афанасьева иначе как героической назвать трудно. Война оставила в душе Афанасьева глубокий след и нашла отражение во многих – при этом очень разных – его произведениях. Но она не огрубила самой души и не сделала его музыку пессимистической. О том, что он добрый и отзывчивый человек, хорошо знают не только родные, друзья и товарищи: в этом убеждает массового слушателя и само творчество Афанасьева.

За военные заслуги и за заслуги в советском искусстве Леонид Афанасьев награждён рядом орденов и медалей. Назовём ордена: Красного Знамени (1944), два Отечественной войны I степени, Александра Невского (1945; кстати, он единственный из всех композиторов Советского Союза, удостоенный этой награды), Трудового Красного Знамени (1971) и Дружбы народов (1980). Отметим и серебряную медаль имени А.В. Александрова, присуждённую Афанасьеву в 1983 году Министерством культуры СССР, Союзом композиторов СССР и Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота за активную работу в области военно-патриотической темы. В 1975-м он получил звание заслуженного деятеля искусств, а в 1986-м – народного артиста РСФСР.

В творчестве композитора затронуты многие музыкальные жанры. Подавляющее число его произведений приходится на песни (счёт здесь идёт на сотни) и на киномузыку (счёт ведётся на десятки). Но, независимо от своего расположения к тому или иному жанру, композитор стремится писать музыку правдивую – в плане её образного содержания.

Завершая книгу, нам хотелось привести мысли ряда лиц, хорошо знающих Афанасьева-человека и Афанасьева-композитора. **Р. Щедрин:** «... вот человек, жизнелюбие которого одержало верх над всеми невзгодами». **Г. Цыпин:** «Были, есть и будут композиторы, неудержимо устремлённые вперёд, композиторы, предпочитающие неизвестное известному, рискованное общепринятому; они – пионеры новых миров в художественном творчестве. Почётна, однако, задача и других художников, тех, кто призван “обжить” и укрепить завоёванные рубежи, откликнуться на смелые начинания и горячо поддержать их своим искусством, донести до массового слушателя; тех, кто тропу расширяет в путь. Афанасьев принадлежит именно к таким мастерам».

Есть биографии, которых касаешься с трепетом и вниманием особым, которые поражают воображение и самого тебя заставляют жить полнее, ярче. И событий одной такой жизни хватило бы на две, три «обычных», столько страданий и радостей, успехов и борьбы выпало на долю одного человека.

Биография Леонида Афанасьева – Лёни Афанасьева началась в 30-е годы, когда он сумел осуществить свою мечту – поступить в аэроклуб, преодолев мамино сопротивление и повзрослев на несколько лет сразу на приёмной комиссии – благо был высокого роста.

В те годы профессия лётчика была самой романтической и притягательной. Многие мечтали летать, но не всем это удавалось. Лёня Афанасьев скоро поднялся в воздух.

Ему всё удавалось, может быть потому, что давалось легко: природа щедро одарила этого человека. Он успевал в спортивную секцию, автотоклуб, в школу с выученными уроками, на свой любимый аэродром – вот только на сон и еду времени оставалось очень мало. Зимой бегом через замёрзший Иртыш, напрямую по снегу – каждая минута на счету; он уже тогда научился ценить время.

С самого детства, сколько он себя помнил, в доме звучала музыка. Его мама преподавала в семипалатинском музыкальном училище и мечтала, чтобы сын тоже стал музыкантом, – для этого были все данные: отличный слух, превосходная память, руки... Мама учила Лёню музыке, а он мечтал о небе! Но может быть, настойчивость сын унаследовал от своей матери – она не отступала до двенадцати лет, а когда поняла, что ей не справиться, пригласила учителя, чтобы у мальчика была «мужская рука»!

Л. Афанасьев дома
в День Победы

Сначала Лёня делал удивительные успехи – быстро выучивал заданную пьесу к очередному занятию, – но вскоре обман раскрылся. Лёня и не заглядывал в ноты, ему достаточно было послушать педагога, который проигрывал новую пьесу, чтобы познакомить с ней ученика... Вот и всё – очень просто! Твёрдая мужская рука не помогла, занятия прекратились. Но музыка не ушла из жизни Афанасьева. Наоборот! Он играл с удовольствием в школьном оркестре, в кругу друзей исполнял песни из новых кинофильмов, импровизировал. Жизнь словно нарочно предоставляла ему возможность пробовать себя во всём!

В Семипалатинске в первой образцовой школе, где учился Афанасьев, директором был бывший партизан-дальневосточник Илья Иванович Квасов, и он стремился дать ребятам всё, чтобы они могли проявить свои способности. В школе был отличный оркестр народных инструментов. На переменах танцевали под фортепиано – один из дежурных пианистов – Афанасьев.

Л. Афанасьев

Леонид занимался многим, но главное для него в жизни – летать! В своём клубе он уже был инструктором, сам учил молодых ребят. Летать, как Чкалов, – вот цель и смысл жизни! А музыка? Музыка никогда не уходила от него, но тогда, в детстве и юности, он не мог представить себя профессиональным музыкантом! Только летать!

Сколько раз в жизнь Афанасьева вторгались обстоятельства, которые можно обозначить одним словом – ВДРУГ!

В девятом классе Лёня встретил своего товарища, который поступил в Свердловское музыкальное училище. Лёня загорелся, стал на радость маме и на удивление окружающим усиленно заниматься музыкой и уже через полгода сдал вступительные экзамены и переехал в Свердловск – он учился музыке. Но!.. Снова вдруг! Встретил своих друзей по семипалатинскому аэроклубу, которые теперь учились в Оренбурге в лётном училище! Как же так? Почему они в лётном, а он в музыкальном!? Он среди года бросает училище, возвращается в родной город, сразу же приступает к полётам, тренировкам! В клубе он считался одним из лучших, его знали в городе по показательным выступлениям в небе на праздниках!

Промелькнул год. Целую группу выпускников клуба и Афанасьева в том числе направили для продолжения учёбы в Первое Чкаловское (Оренбургское) лётное училище.

Училище он окончил за ... полтора года в «ускоренном экипаже». В день вручения дипломов во время торжественного построения ВДРУГ налетел сильнейший вихрь – все бросились крепить самолёты. Когда снова построились, узнали, что вихрь войны ворвался в жизнь всей страны, всего мира.

Афанасьева на фронт не отпустили – оставили инструктором в училище. Инструктору исполнилось девятнадцать лет. Но ему уже было тесно в мирном небе, он рвался на фронт. Рвался безуспешно. И музыка так помогала ему в эти трудные месяцы и годы...

В конце 1942 года вышел приказ: отправлять инструкторов в действующие части для приобретения боевого опыта. Леонид Афанасьев был назначен заместителем командира эскадрильи и начал войну в двадцать один год.

Летал Афанасьев, по рассказам друзей, отлично, но пули и осколки врага не миновали ни его машину, ни его самого. В день освобождения Минска Леонид Викторович был особенно тяжело ранен, спасая девочку. В сумятице налёта вражеской авиации лётчика нашли без сознания и эвакуировали в госпиталь...

От ранения наступил полный паралич, потеря речи... казалось, жили только одни глаза. Начались скитания по тыловым и эвакуогоспиталям, а матери в это время уже вручили похоронку – друзья долго искали его на аэродроме и не нашли. Решили, что убит, засыпан землёй.

Нет, он выжил. С великим трудом поднялся на ноги, но приговор врачей был категоричным – авиацию забыть! Его отправили в санаторий на юг, в Сочи, долечиваться. Лечился Афанасьев весьма своеобразно. Когда его товарищи заканчивали свои процедуры, они снимали бинты с малоподвижного Леонида, несли его к морю и окунали в морскую воду, а потом оставляли на долгие часы прогреваться на солнце. Врачи только удивлялись, как он сам себя ставил на ноги, гимнастикой, волей, характером – он хотел летать! Да. Летать! В конце 1944 года уже был в своей части.

Леонид победил болезнь, себя, врачей, протестовавших и запрещающих лётную жизнь.

Трудные дни наступили. Друзья понимали, что ему необходимо вернуться в строй, и знали, что ни одна медкомиссия теперь не разрешит ему этого сделать.

Первый раз на свой страх и риск Афанасьеву разрешил подняться в воздух командир эскадрильи, которой раньше командовал сам Афанасьев, – Филипп Пархоменко, ставший после войны певцом, ведущим солистом Большого театра СССР. Теперь же, в сорок четвёртом, он был напарником Афанасьева. Они вместе взлетали на «спарке», самолёте с двойным управлением, чтобы Пархоменко мог подстраховать товарища. Боль в спине сковывала движения, одна нога плохо слушалась, и Афанасьев ремешком пристегнул её к педали управления! Но как он летал! Будто не было перерыва, будто не было страшных ран, будто просто лётчик вернулся в свою стихию.

Много наград у Леонида Афанасьева, но один орден для лётчика совсем необычный – орден Александра Невского. Он получил его в сражении, начавшемся в январе 1945 года с Сандомирского плацдарма за активные полководческие действия в труднейших погодных условиях.

Музыка... Здесь в действующей армии он написал живущую до сих пор одну из своих первых песен – «Песня первой эскадрильи». Стихи сочиняли все вместе, музыку – Леонид. Уже после войны, когда многие слова позабылись, бывший бортстрелок Афанасьева А. Комаровский написал их заново: «Нас было двенадцать верных друзей, надёжные руки и крылья, нас было двенадцать весёлых парней – первая эскадрилья».

Штурмовик Ил - 2

Окончилась война. Разлетелась эскадрилья по домам. Ехал домой и Афанасьев, когда ВДРУГ в поезде начался приступ и его срочно на первой же станции отправили в госпиталь. Это было в городе Алма-Ате. Ему грозила полная неподвижность... С карьерой лётчика пришлось распрощаться. Но Леонид Афанасьев не хотел расставаться с авиацией и решил учиться на авиаконструктора. Такого института в Алма-Ате не было. Надо было ехать в Москву. Пока же, чтобы вспомнить школьные предметы, друзья уговорили его пойти на подготовительные курсы в ... консерваторию, ну, что ему стоило дополнительно к другим предметам заниматься сольфеджио и музлитературой!..

А Музыка уже проснулась в нём. Та Музыка с большой буквы, которая ВДРУГ стала рождаться в нём. Он сначала даже не понял, что сам сочиняет, и не мог вспомнить, где раньше слышал её? Нигде! Это была его музыка о пережитом, о мечтах, о судьбах, о своём поколении...

Известный композитор Брусиловский послушал первые опусы лётчика-композитора и взял его в свой класс. Быть композитором? Всего полгода назад он не знал, как жить, куда себя деть – и ВДРУГ!

Неоднократно между учеником и учителем происходил такой разговор: «Стоит ли мне этим заниматься?» – спрашивал Леонид Афанасьев. И неизменно получал ответ Евгения Брусиловского: «Стоит! Конечно! Только хватит ли у тебя физических сил?».

«Как? У меня, лётчика-фронтовика, хватит ли сил для такого спокойного, домашнего, сидячего труда?» .

Но сидеть по восемь-десять часов за инструментом, чтобы наверстать упущенное, оказалось непросто! Обострилась болезнь. Осколок «зашевелился». В Алма-Ате операцию делать не решились. Москва. Знаменитая клиника академика Бурденко...

...Композитор Афанасьев. Он работает в разных жанрах. Широкую популярность получили многие его песни, начиная с самых первых «Не грусти» на стихи В. Гурьяна и «Переулочек на Арбате» на стихи Б. Гайковича. Песням Леонида Афанасьева свойственна удивительная искренность, задушевность, доверительная интонация и мелодичность, доброта и сила, поэтому, возможно, они так глубоко западают в души миллионов людей.

Часто песни композитора рождаются из фильмов, к которым он пишет музыку. Первый фильм «Призвание» был создан в 1956 году. Потом «Стучись в любую дверь», «Память сердца» о судьбе лётчика, «Это было в разведке», отсюда знаменитая песня «Соколёнок» на стихи Л. Куксо.

Трудно перечислить все киноработы композитора – их около полусотни, но такие известные, как «Неподсуден», «Таёжный десант», «Стюардесса», невозможно представить без музыки, без песен Афанасьева. Особенно интересна работа композитора в многосерийных фильмах «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов». Они подарили нам прекрасную музыку, а песня на стихи И. Шаферана стала всенародно любимой.

Соблазн перечислять все творческие удачи Леонида Афанасьева очень велик... Он выжил, победив смерть (!), которая ВДРУГ настигла его на операционном столе. Выжил! И стал композитором. Ему есть о чём рассказать людям... первое же крупное его сочинение – Концерт для скрипки с оркестром – было удостоено Государственной премии СССР.

Слушать музыку Афанасьева легко, потому что она естественна и доходчива, мелодична и глубока, она волнует и притягивает, как могучая летняя гроза, как рассветное небо, как широкая спокойная река. Её легко услышать, потому что она всегда звучит по радио, в концертах, в кино, в театре.

Нелегко встретиться с самим композитором, поговорить с ним. Он всегда в работе, в дороге, в самолёте (поездом ездить не любит), на встрече со слушателями, на киностудии, на радио, на записи... ВДРУГ объявляется в Москве, и словно нет у него тысячи важных дел, заинтересованно спросит, как живёшь, помня о твоих заботах, о том, что пишешь. С Леонидом Викторовичем легко работать, очевидно потому, что он много повидал и переживал в жизни и умеет, как немногие, понять своего соавтора, его переживания, найти общий язык...

Нелегко представить, что этот стройный красивый человек прожил такую молодость, что вся его жизнь – это легенда, и творец её он сам – Леонид Афанасьев...

Составитель –
главный библиотекарь
отдела музыкально-нотной литературы
Воронежской областной универсальной научной
библиотеки имени И.С. Никитина
Левина Елена Ивановна.

